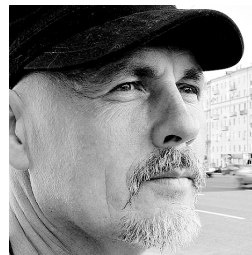

Андрей
Мирошников

БЫЛОЕ И МУЗА

* * *

*Стали вещи простые сложными.
И не стало большой страны.
И кордонами, и таможенями
Мы от детства отстранены...*

Поезд тихо прополз дистанцию –
Путь до мелочи мне знаком –
И ночными огнями станция
Заглянула ко мне в вагон.
Звуки, запахи, тряпки пёстрые,
Ветром смешанные сухим –
Встретил город на полуострове,
На сплетении всех стихий.

Мы с ним были друг другу доноры –
Не расстанься, не раздвоись!
Здесь туманы скрывали контуры
Новостроек, растущих ввысь,
Корпуса градообразующих
Дымных флагманов вдалеке...
Но мечталось о светлом будущем,
И болелось за наш хоккей! –

Мы гордились тогда героями,
И не думали их менять.
Мы винтовки и клюшки строили,
Брали славные имена.
Не деля на хохлов и хачиков,
Бескорыстный ведя отсев,
По делам, по особым качествам
Выбирали себе друзей.
И мальчишескими законами
Проверяли, кто крут да смел –

В степь ходили за скорпионами
И морских добывали змей.
Вдаль гоняли велосипеды мы
И под парусом шли на спор...
Край пустынный – природа бедная,
Но бесценен его простор:

Здесь семьи моей горе-вотчина,
И могилы – одна к одной.
Став моей болевою точкою,
Этот город почти родной...
Но ветра не имеют памяти,
Заметают неверных след,
Словно армия слуг Мохаммеда.
Ветер. Вечность. Меня здесь нет –

Так давно, словно всё почудилось,
Всё, чем память полна моя –
Эти скалы, прибой, посудины,
На высотки плечах – маяк,
Стаи чаек, огни портовые,
Фонарей и окошек свет...
Это место моё, бедовое –
Вот оставленный в детстве след:

На дороге, на самом краешке
Доказательство, артефакт –
Имя, сложенное из камушков,
И закатанное в асфальт.
И, признав ли от фразы кодовой,
Или вспомнив былое вдруг,
Ветер трётся домашним котиком,
Провожая, как старый друг.

Кто угодил в князи –
Строит дворцы выше.

Сколько земных слав ты
Сложишь в стальной ящик?
Нет на земле Правды,
Нет у Небес фальши.

* * *

Даль тиха. Улыбчив Йорик.
Небо. Сумерки. Погост.
Чёрный ворон – мрачный гость.
Залетел на датский дворик.

И безмолвен, и недвижим,
С чёрной вестью заодно.
В чьё-то тёмное окно
Целит глазом жёлто-рыжим.

Вечер. Ворон не в гнезде.
Королю сегодня худо.
Быть беде, видать, Гертруда.
Неминуемой беде.

* * *

Он ходил на работу,
Словно бык на убой.
Без особой охоты
Возвращался домой.
Не желая расспросов,
Говорил ни о чём.
Доставал папиросы,
И дымил тягачом.
И окурок погасший
Заминая в зигзаг,
Он задумчиво кашлял
В огрубелый кулак.

Пропадая в бермудах
Новостей и попсы –
Коротая минуты,
Прожигая часы, –
Щёлкал телеканалы,
Словно веря в портал.
То ли скрытых сигналов,
То ли повода ждал...

Полусонным супруга
Уводила с собой.
А с утра – всё по кругу, –
Словно бык на убой.

Ни страстей, ни протеста –
Жизнь текла, как вода...
Он как будто проездом.
Но не знает, куда.

* * *

*По мотивам фотоработы
Юрия Извекова*

За калиткой, что серой старостью
Хрипло виснет на ржави петельной –
Ровне каторжных кандалов –
Ночь туманит долинной сыростью,
Мглой скрывая раздолье бедное,
Захолустный пейзаж... «Долой!» –
Вынув стенки булат безжалостный,
Бурой ржавчиною измученный,
Взмахом-присвистом: «Пропусти!» –
В реве ребра мехами сжатыми –
Извергая тоску дремучую,
Чтоб покорность – на лоскуты –

Рвать рубахой, трясясь да падая,
Факелами паля, что скошено,
И на вилы туман мотать –
Чтобы глазом кобылы краденой
На пожары косилось прошлое,
Да на нож, коим машет тать...
Будоража округу ворогом,
Забороться с рогами месяца,
Умаститься – разор в простор –
Ощущая Вселенной потуги,
И, исторгнутому, повеситься.
Как Иуда – подлец и вор...

... Мне бы доковылять до озера,
Страха жгучего сбить опарышей –
Головнёю башки трясти,
Ткнуть, шипящую, в воду позднюю,
Да горячки залить пожараще ...

Ты, калитка, меня пусти.

* * *

Опустят ящик в могилу, в грязь,
Где по колено воды.
Завалят глиною, торопясь,
Как заматают следы.

Не оглянувшись, не кинув взгляд,
Под мелким серым дождём
Сплочённой стаей засемят
За похоронным вождём –

Начать обедню печальную
И разобраться с бедой:
Столы кафе ритуальные
Халявной манят едой.

Там, за лапшой да за чарками
Затеют слёзы да речь,
Что был покойный подарком и,
Мол, не смогли уберечь.

Таким, мол, небо даровано
И райских зарослей цвет –
Пообещают зарёванной
И безутешной вдове...

Ей будет помниться ужасом
И спешка крепких парней,
И яма с рыжею лужею,
И гроб, притопленный в ней:

«На нём одежда промокшая,
Его бы переодеть.
И как портрету усопшего
В глаза отныне глядеть?»

И вдруг – собьётся, опомнится:
Посуды звон, голоса...
И рюмка водкой наполнится,
Слезой прольются глаза.

И жмутся дочки-погодочки,
И не по-детски молчат.
Горька дешёвая водочка
И бабы вдовой печать...

* * *

Не дай нам Бог венчать на царство
Безродных хамов и воров,
И злое принимать лекарство
От иноземных докторов.
И видеть женское беспутство,
И свадьбы дюжих молодцов,
И проторговывать за бусы
Наследье славное отцов.

Не дай Господь завесить солнце
Горящих скатов дымной мглой,
Поверить на слово пропойце,
И правде блудницы былой;
Не приведи раскрыть объятя
Заокеанским мудрецам,
Чужим на радость, кровным братьям
Вещать на языке свинца.

Не дай, Творец, в восторгах бездны
Забуть о радости труда,
В мечтах о манне безвозмездной
Свои разрушить города;
Потомков участи лишая,
На корке выжженной земли
Вдруг обратиться в попрошаек
Беднее нищих Сомали.

* * *

Дело наказано чёрное:
На кособокой ветле,
Полной луной освещённое,
Тело в пеньковой петле.
Кончено времечко шалое,
Вспору зажечь по-людски.
Кто лиходея ожалует?
Кто зарывает с тоски?

Ветром качнуло разбойника,
Словно как прежде он пьян.
Что-то вещает покойнику
Ворон Максимилиан,
Чье черноперое сходище
Мессу начнёт поутру ...

Висельник, хлопцем нашкодившим,
Голову свесил на грудь.

... Нынче впервые задумчивый
В нашей округе покой.
Стыд запоздалый ли мучает? –
Тих беззаконник лихой:
С неотвратимой суровостью,
Честно воздав по делам,
Зло и отсутствие совести
Лечит кривая ветла.

* * *

Угасают великие,
Остаются известные.
Далеко не безликие,
Но не столь интересные.
Вымирают носители,
Остаются разносчики,
Деловые да сытые
Кустари да извозчики.

Умирают могучие,
Бескорыстные светочи,
Что глядели в грядущее,
Глыбы да человечести –
Штучные, эпохальные,
За морями гремевшие...
А за ними – нахальные
В соцсетях нашумевшие.

Исчезают идейные,
Знаменосцы, глашатаи,
И безумные гении,
И устоев держатели,
И опора Отечества –
Величины да личности...
А на смену – коммерчество,
А на смену – количество.

На матерого классика,
Неудачными клонами,
Словно штампы из пластика –
Пародисты да клоуны –
Подсадные, коверные,
Ироничные, шальные.

С виду, вроде, отборные,
Да начинкою – вялые.

Остаются удобные,
Как пижамка нательная,
Перспективно-способные,
Заказные да сдельные.
И вершины бесхозные,
И пустоты – освоены:
Громоздятся обозные,
Пережившие воинов.

* * *

*Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжёлое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастнице своей.*

Евгений Баратынский

Приступы творчества лечат:
прогноз торгов,
Добыча денег, алчная хватка бабы,
Выплаты по кредитам,
возврат долгов:
«Закроешь вопросы –
и вот тогда карябай...»

Импульсы творчества
чахнут от суеты,
Звонков, визитов тех, что давно постылы –
Их жалобы, беды
надуманны и пусты,
Рождают фразы
в весьма невысоком штиле.

Принципы творчества
рушит глухой притон,
Чрево порока,
дымный загон запоя,
Сброд непутёвый,
где каждый второй – Платон,
А каждый третий –
специалист в разбое...

Творческий план,
как совокупность мер –
Конченный ты интроверт
или буйный цезарь –
С шипением тихим
гасит однажды Смерть –
Главный судья и неоспоримый цензор.

Общество сырых,
в котором ты так блистал,
Меня дар, что золото – на полушки,
Апофеозом скажет:
«Он, вроде бы там писал»,
Сочтя за повод
для трёпа или пирушки...

Делая выбор (Музу призвав к ноге)
Между мирской возней
и бумажной лирой,
Для плодотворной жизни
выбери апогей –
Дальнюю точку,
пустыню, вершину мира.

* * *

Человек человеку –
угрюмый безжалостный зверь:
Мегаполис кипит –
апогей одиночества в стае.
И выходит из строя и вон –
за железную дверь, –
Кто ещё не раздавлен
громадой бетона и стали.

Вот и я, немудрённое бремя
неся на спине,
В сапожищах немодных,
в затасканной бурой ветровке,
По таёжному краю,
которому края-то нет,
От зимовки одной
до другой пробираюсь зимовки.

Задавали дежурно соседи вопросы:
«Куда?»,
Не дослушав ответ,
исчезая в дыму сигаретном:

– В свой непуганный край,
где живые земля и вода,
Нет железных дверей
на замках с невозможным секретом;
Чтобы двери сосновые
веткой сухой подперев,
Не бояться воров,
отправляясь заправски за фартом
В обиталище жизни
и царствие вечных деревьев,
Забывать о кислотных дождях
и крови на асфальте;
Чтобы друг бессловесный –
помощник, живой оберег,
Чуткий страж и защитник,
и знающий всё собеседник –
Не сидел на цепи,
а лохмато царил на дворе
И базили по ночам,
не стесняя скандальных соседей;

Восседать на крыльчке
с собакой большой, как медведь,
Ощущая живое тепло
и дыханье живое,
Забывая тоску,
заслонявшую солнечный свет,
И шалеть от того,
что на свете нас все-таки двое;
И глядеть в темноту,
где надупилась чутко тайга
Неопознанным зверем,
щетиныщим колкий загрибок,
И внимать тишине,
и движение звезд постигать,
В непорочном покое
не видя тоски и надрыва;

Дрейфовать по зиме,
забывая свое ремесло,
И носить на груди амулет
из зеленого камня.

Не стяжать ни особых условий,
 ни славы, ни слов,
 А соседям ответ напишу.
 Непременно стихами.

* * *

Другим я был! Я помню – я летал,
 И не дружил с успехом и деньгами,
 И, не желая гибнуть за металл,
 За идеал сражался с ветряками,
 И рвал себя из будничных когтей,
 Из страха рвал, дрожащего как студень,
 Даря огонь, как новый Прометей,
 И веру, что летать умеют люди.

Один за всех и все – за одного:
 Казалось, цепи пошлости порву я.
 Доказывая общее родство,
 И веря в справедливость мировую –

Я неумело строки городил,
 Едва владел размерами и рифмой.
 Но были жизнь и счастье впереди,
 И не было у творчества тарифа...

Когда долги, расчеты и счета
 Смирили дух вчерашнего мальчишки,
 Я понял – человеку не летать.
 Я сочиняю чековые книжки.

Строка моя как кладка кирпича
 В моем высоком каменном заборе.
 Псы хату с краю стерегут, рыча –
 От братьев-вольнодумцев и от вора,

Теперь я с сочинительством на «ты»,
 И премии тщеславья давят грузом...
 Но не имеют прежней высоты
 Финты лоботомированной музыки.

* * *

Вдалеке от столичного гула,
 В стороне заповедной, лесной,
 Где забыт человеческий улей,
 И народ не страдает тусней;

Где ни гари, ни давки, ни пробок,
 Ни лихих коммунальных страстей,
 А Пространство с тобою бок-о-бок,
 Целиком – ни кусков, ни частей –

Может там, в единенье, в слиянье
 С чистотой, где ни смуты, ни пут,
 Ты поймёшь, как смешны расстоянья,
 Различив, где дорога, где Путь.
 Свежий ветер, несуетность быта,
 Безмятежность воды и огня –
 Тайну тайн очевидных событий,
 Безусловно, помогут понять.

И объять необъятные дали,
 И секреты простые раскрыть:
 Тем, кто звезды в глуши не видали,
 Не дано красоту сотворить.
 И отчаяний горьких не надо,
 Если строки твои хороши –
 Значит, высшая это награда –
 Одиночество в дальней глуши,

Где строка небывалая, точно
 Серой пылью нетронутый снег.
 И рождается каждая строчка
 Словно выдох – точнее и честней.
 В колыбели избушки былинной,
 Где часы на стене не спешат –
 Там, где Слово податливо глиной,
 И Вселенную слышит душа.

* * *

*Как выскажу моим косноязычьем
 Всю боль, весь яд?
 Язык мой стал звериным или птичьим.
 Уста молчат.*

В. Ходасевич

Я многого от жизни тщетно ждал –
 Друзей отважных,
 подвигов, походов....

По книжным странам истово блуждал,
 И присягал на верность Дон Кихоту.
 Вдыхая суть в пустую суету
 И слыша зов Прекрасного Далека,

Здесь сорок пять в тени ещё цветочки,
Такие дни привычней в Сомали.

Доселе проверяет на излом
Суровый край –
 попынный и безлесый,
Где солнечным зрачком,
 с небес белесых,
Взирает бог бессмысленно и зло...

Ленив кузнец. Струной звенит зенит.
Молчит листва.
 И песня птицам в тягость.
И медлит пыль. Томит покоем август.
И дождь крылом не скоро осенит.

Избыток животворного тепла –
Источник осязаемой угрозы –
Разумней, избегая передоза,
В края, где хмарь и сумрак, переслать.

Стекает полдень пылью по стеклу.
Пришли мне грозы
 россыпью ли, гроздью.
И долгий поцелуй прохладный – осень.
Последний в жизни долгий поцелуй.

IV

Привет тебе с окраины Земли.
Я опоздал, наверное, с ответом –
На век, на жизнь, на год, на это лето –
У вас давно часы перевели.

Текут минуты, набирая ход,
Песком сквозь пальцы,
 в суматохе тщеты,
Согласно строгой линии сюжета.
Зимы начало. На исходе год.

Неделю пухли снегом облака
И воронье кружило хриплой вьюгой.
Пейзаж привычно скуп –
 свинец и уголь.
Был день на день похож, как дубликат.

А нынче снег без усталости валит,
И убеждает мелюзга на санках,

Что Санта лучше антидепрессантов,
А Дед Мороз – тот самый Айболит.

Я сдался в плен. Но счастлив угодить
В тончайших хлопьев ласковые сети.
В снежки играя, расшумелись дети.
И шалость эту трудно осудить.

V

Привет тебе с окраины Земли,
Хотя здесь берег внутреннего моря.
Тупик и глушь любого переборят,
Не одного угомонить смогли.

Какая жалость! – Жизнь не удалась –
Неправильно расставлены акценты.
И щедрые начислены проценты
За каждый праздный и бездумный час.

И не сложить, как водится, вину
На бога ли, судьбу, царя ли, черта:
В пустыне ты мудрец
 и суфий в чем-то.
А море учит видеть глубину.

Здесь можно жить. И можно умирать.
Концы в песок.

А если хочешь – в воду.

Ветра, спеша,
 в последний путь проводят,
Следы не прекращая затирать.

И воздух колоколом, мутен, желт, раскос –
Извечный символ кочевой культуры –
Причина азиатского прищура.
Я вырос тут. Но в ощущениях – гость.

VI

Привет тебе с окраины Земли.
Ещё один апрель, как подаьяне.
Я, вопреки прогнозу и призванию,
Доковылял до сорока семи.

Живые живы. Мертвые мертвы.
Уютна башня из слоновой кости.
Но гости посещают, словно хоспис,
И муза примеряет лик вдовы...

Уйдя в себя, обратно не спешу
 Погрязнуть в сборах,
 сборищах и спорах.
 И плесневелый отсыревший порох
 Я никуда уже не заряжу.

И головы теперь не потерять –
 Я черепахой втягиваю в плечи.
 Борясь с тоской, надсаживаю печень.
 Ищу в бессилье тему бунтаря.

Когда взахлёб охота и навзрыд,
 Когда пора переходить на шепот –
 Я, соблюдая клавиши как робот,
 Пакую фразы в аккуратный шрифт.

VII

Привет тебе с поверхности Земли.
 Грядет сезон песчаных бурь и засух.
 И клином свет.

 И клин похож на заступ,
 Готовый грызть песчаный монолит,

Равнять в правах
 с безмолвным большинством,
 Бесчисленное пополнять подполье...
 Все наши чувства –
 разновидность боли,
 Когда душа теряет волшебство,

Пуская ойкумену на размен,
 Речной трамвай
 на нишу тесной лодки,
 Воздушный замок на формат берлоги.
 Перо на землеройный инструмент...

Я столько важных дел не довершил.
 Тетрадь стихов –
 единственный мой подвиг.
 А норы эти – словно антиподы
 Непокоренных некогда вершин...

В минувшее гляжу, как в тёмный лес,
 Не находя причин для сожалений.
 Не оставляя тяжких осложнений,
 Проходит жизнь, как долгая болезнь.

* * *

Уходит лето.
 Всё холоднее росы –
 В ночные окна
 Осень тревогой дышит.
 По всем приметам
 Кончились сны да грезы –
 Стихов и песен
 Я ни писать, ни слышать.

И вместо строчек –
 Вдаль самолетный прочерк.
 Кружат с деревьев
 Листья поодиночке...
 Я обесточен.
 Выкорчеван из почвы.
 Лишён опоры,
 Координаты точной.

Забор. Крапива.
 Псина на вид под центнер,
 С энтузиазмом
 Занята чьей-то костью.
 Вечерним пивом
 Тешится частный сектор.
 Собака дома.
 Я прихожусь ей гостем.

...В молчанье строгом
 Вечер один из многих.
 Былым, как спамом
 Прочно забита память.
 Отшельным йогом
 Скрестить бы в лотос ноги,
 Оставив время
 Комы самокопаний,

Покончить с прошлым
 Выдавлив через поры,
 Не озираясь,
 С местной привычкой вровень:
 Здесь мыслят проще,
 Преображая споро
 Старьё усадеб
 В груды горелых брёвен;

Как будто сдуру,
 Исколесив просторы,
 Из всех обочин,
 Задних дворов и свалок,
 Я выбрал хмурый,
 Счастьем забытый город,
 Как будто прежних
 было мне адски мало –

Со спешкой пули,
 Ставящей жирно точку,
 Сменил на ссылку
 Волю первопрестольной.
 Пути замкнулись
 В ноль омулевой бочки.
 Зима метелью
 Выест глаза как солью...

Валежник тлеет,
 Стелется дым горящий.
 В саду притихшем
 Дрема тумана бродит.

Бельмом белея
 Око луна тарашит.
 Кого-то ищет.
 Ищет и не находит...

* * *

Родник воображения иссяк.
 Я грубо тискал Музу так и сяк,
 И теребил настойчиво и зло.
 Она в ответ – ни образа, ни слов.

Я ей читал, нектарами поил –
 Так не одну красавицу пленил –
 Пока не понял истину с тоской,
 Что нужен ей не праздник, а покой...

Я пригасил и музыку, и свет,
 И понял ясно, поправляя плед:
 Она ко мне, а не к кому-нибудь,
 Устав от дел, заходит отдохнуть...

Мирошников Андрей Георгиевич родился в 1963 году в г. Змеиногорске Алтайского края РСФСР. С 1966 по 2010 год жил в г. Шевченко (ныне Актау, Республика Казахстан), где окончил среднюю школу, техническое училище. Работал на промышленных предприятиях города и области, на телевидении, корреспондентом редакции областной газеты «Местное время» (ныне «Огни Мангистау»). С 1999 по 2003 г. работал редактором в альманахе «Истоки» и издательстве РИФ «Рой» (Москва).

Печатался в журналах «Пульс», «Сельская молодежь», «Литературная учеба», «Московский журнал», «Юность», «Сибирь» (Иркутск), «Байкал», альманахе «Истоки» (Москва), «Каспийский меридиан», «Найза» (Актау), «Простор», «Зеркало», антологии молодых поэтов Казахстана «Пробуждение истоков». Автор поэтических сборников «Сны» (Москва. 1998) и «Каменный ангел» (Москва. 2002). Член Союза писателей России, заведующий отделом критики и публицистики журнала «Сибирь» (Иркутск).

